

Екатерина Кожина

Сказки

Екатерина Кожина

Сказки

«Автор»

2026

Кожина Е.

Сказки / Е. Кожина — «Автор», 2026

Сказки про зверей и людей, которые умом да смекалкой все беды решают.

© Кожина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Как Тимошка Змея Горыныча перехитрил	5
Как Лиса за зимой ходила	7
Как Воробей весну караулил	9
Маша и лесное Эхо	11
Кашевар Трофим и Водяной	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Екатерина Кожина

Сказки

Как Тимошка Змея Горыныча перехитрил

В некотором царстве, в некотором государстве, среди дремучих лесов да чистых озер, стояла небольшая деревенька. Жил в той деревеньке паренек по имени Тимошка. Был он добр лицом, да умом не обижен, только силой богатырской его судьба обделила. Другие парни бревна ворочают, на медведя с рогатиной ходят, а Тимошка все больше по лесу бродит, птичьи голоса слушает да деревянные игрушки ножичком вырезает. Живые у него птицы да звери получались — того и гляди, запоят или побегут. Старики в деревне только головами качали:

- Эх, Тимоха, пропадешь ты со своими свистульками, работы от тебя никакой.

Вот как-то раз пришла в те края беда черная, незваная. Налетела со стороны Полуночных гор туча грозовая, а в той туче — Змей Горыныч, трехголовый людоед. Опустился он на самое высокое дерево в лесу, зарычал тремя голосами, и пошел от его дыхания жар великий. Реки стали пересыхать, трава пожелтела, птицы улетели. Сказал Змей людям:

— Буду я у вас каждый месяц всю скотину забирать, а коли не отдадите — сожгу дома дотла, пеплом развею!

Заплакали деревенские, затужили. Собрались мужики, топоры да вилы взяли, пошли к чудищу. Да куда там! Крутанул Змей хвостом — полетели вилы в кусты, дунул огнем — еле мужики ноги унесли, бороды опалили. Сели все на завалинке, горюют.

Тут выходит вперед Тимошка со своей сумой холщовой.

— Пойду, — говорит, — я со Змеем поговорю. Силой его не взять, так, может, хитростью выйдет.

Смеются парни:

— Куда тебе, недотепа! Нас, силу Твердиславскую, Змей в бараний рог согнул, а ты со своими деревяшками на один зуб ему будешь.

Ничего не сказал Тимошка. Взял суму, положил туда нож острый, краюху хлеба черствого да несколько своих поделок деревянных, что вчера только закончил. И пошел в дремучий лес.

Идет Тимошка, а вокруг птицы не поют, листья сухие под ногами шуршат, гарью пахнет. Вдруг видит — посреди тропинки лежит еж, лапками кверху дрыгает. Пересохло у бедняги в горле от змеиного жара, перевернуться не может. Жалостно Тимошке стало зверька. Достал он из сумы фляжку с остатками колодезной воды, побрызгал на ежа, напоил его из ладони. Ожил ежик, перевернулся на брюшко и говорит человеческим голосом:

— Спасибо тебе, Тимошка! Спасал ты меня от смерти верной. Возьми мою иголку. Как трудно станет — брось ее оземь, я и приду на помощь.

Взял парень иголку, спрятал в карман и дальше пошел.

Долго ли, коротко ли шел, подошел к высокой горе, где Змей Горыныч сидел. Все три его головы на солнышке грелись, зубищами щелкали. Увидели чудища Тимошку, захохотали так, что камни с горы посыпались.

— Это что за комар к нам пожаловал? — рычит первая голова.

— Тощий какой, и есть-то нечего! — подхватывает вторая.

— Зачем пришел, человечиска? Жизнь надоела? — ревет третья.

Тимошка поклонился низко, как учили, и говорит спокойно:

— Здравствуй, Горыныч. Пришел я к тебе не драться, а силой да умением мериться. Слышал я, что ты самый сильный на свете, да только с виду ты неуклюж. Неужто у тебя и пальцы такие же неловкие?

Разозлился Змей:

— Это я-то неуклюж?! Да я из любого камня муку сделаю!

Схватил Змей огромный валун, сжал своими когтищами — так камни в мелкий песок и рассыпались.

— А тебе так слабо? — смеются головы.

Тимошка улыбнулся, незаметно достал из сумы круглый сухарь, что матушка в дорогу дала, да ладонью его прикрыл. Сделал вид, будто с земли камень берет. Сжал посильнее — и закапала из сухаря вода (это масло выжималось, что в тесто добавляли).

— Твой камень в песок ушел, — говорит Тимошка, — а я из камня воду могу лить!

Посмотрел Змей всеми шестью глазами, удивился.

— Ладно, — ворчит вторая голова, — сила у тебя чудная. А умение какое?

Достал тогда Тимошка из сумы свою лучшую деревянную игрушку — соловья резного. Поднес к губам, подул в секретную дырочку. И полетела по лесу такая трель соловьиная, живая, звонкая, будто сама весна вернулась! Змей отродясь такой красоты не слыхивал. Все три головы замерли, глаза зажмурили, слушают, дышать боятся. А Тимошка дует да дует, и с каждым звуком змеиная злость куда-то испаряется, обмяк Горыныч, спать захотел.

Да только рано радовался парень. На последнем коленце треснула деревяшка от жара змеиного, умолкла птица. Очнулся Змей, разъярился пуще прежнего.

— Обмануть меня хотел! Сон напустить! Ну, держись, сейчас я от твоей деревни только уголья оставлю!

Развернул Змей огромные крылья, задышал огнем. Понял Тимошка, что шутки кончились. Вспомнил он про подарок лесного друга, достал ежину иголку и бросил ее перед Змеем оземь со словами:

- Выручай, ежик-четвероножек!

В тот же миг зашуршало все вокруг. Из кустов, из-под бревен, изо всех норок полезли ежи. Тысячи ежей, целая армия! Стали они в круг перед Змеем, иглами наружу повернулись. Хочет Змей шаг ступить — а под лапами ковер из острых колючек. Наступил на одного — взвыл от боли, лапу поджал. Стал огнем палить — а ежи в землю зарываются, только иголки торчат, змеиное пламя им нипочем. Завертелся Змей на одной ноге, крыльями бьет, а ежи его кругом обступили, колют нещадно.

— Ладно, ладно! — закричал Горыныч тремя голосами. — Забирай своих колючих чертей! Улечу я из ваших краев, и дорогу сюда позабуду! Только убери их!

Тимошка свистнул по-птичьи, ежи тут же расступились и в лес побежали. Змей Горыныч тяжело взмахнул крыльями, поднялся над лесом и улетел за Полночные горы. Больше его в тех краях никто никогда не видел.

Вернулся Тимошка в деревню. А там уже и тучи рассеялись, и первый дождик сухую землю напоил. Трава снова зазеленела, реки наполнились. Рассказал парень, как все было. Мужики, что над ним смеялись, головы опустили, прощения просили. С тех пор Тимошку в деревне все уважать стали. И понял каждый: не та сила, что кулаками машет, а та, что с добрым сердцем да острым умом дружит.

Жил Тимошка долго да счастливо, игрушки свои мастерил, а ежам всегда самое лучшее молоко в блюдечке за порог выставял.

Как Лиса за зимой ходила

В стародавние времена, когда звери в лесу еще в избушках жили да кашу варили, случилась в преддверии зимы странная история. Лето красное прошло, осень золотая отшумела, а снег все не выпадает. Земля промерзла, ветер воет, а белого пушистого ковра нет как нет.

Хуже всех пришлось Лисе Патрикеевне. Шубу-то она на зиму сменила — выросла шерсть густая, огненная, пушистая. Всем хороша шуба, да вот беда: на серой земле да среди голых веток лисий хвост за версту видать. Ни к тетереву не подползти, ни мышку-норушку не скараулить. На охоту Лиса выйдет, а звери издали ее огонек видят и врассыпную. Похудела рыжая, приуныла, сидит на пеньке, голодное брюхо лапой поглаживает.

Вдруг видит — бежит мимо Заяц-Беляк. Да какой-то странный: сам весь белый-белый, как облачко, а лапки серые, грязные. Бежит, спотыкается, лавирует между кочками.

— Стой, косой! — кричит Лиса. — Куда несешься, сломя голову? И что за вид у тебя неряшливый? Почему шуба наполовину покрашена?

Заяц остановился, запыхался:

— Ох, Патрикеевна, не до смеху! Зима-то наша, матушка, в ледяном тереме на Козьем болоте заснула. Будильник из сосул сломался, вот она и спит, проснуться не может. А без нее Снежная туча ключи от неба не дает. Я к ней бегал, просил хоть чуток снега на шубу брызнуть, чтоб от тебя прятаться. Она крутанула хвостом — только на спину ихватило, а лапы серыми остались. Беги, Лиса, помогай Зиму будить, а то все с голоду пропадем!

У Лисы в голове сразу колесики закрутились. «Ага, — думает, — Заяц, значит, белый, на серой земле его теперь еще лучше, чем меня, видать. А коли я Зиму первая разбужу, так она мне первой красавице леса награду выдаст!»

Побежала Лиса к Козьему болоту. Прибегает, а там посреди кочек стоит терем из льда да инея. И тишина кругом, только камыш сухой шуршит. Заглянула Лиса в ледяное окошко, видит: спит Зима на пуховой перине из метели, под голову подушку-вьюгу положила, спит — не добудисься.

У дверей терема уже Медведь топчется, лапой в дубовую дверь стучит:

— Эй, Зима, вставай! Мне в берлогу пора, бока отлежал, а без снега спать не ложится, непорядок!

Рядом Волк серый зубами щелкает:

— Хватит спать, выходи! Лосей гонять неудобно, ноги по застывшей грязи быются!

Стучат лесные великаны, кричат, а толку мало — стены у терема толстые, ледяные, звуки не пропускают.

Вышла Лиса Патрикеевна вперед, хвостиком вильнула, глазками блеснула:

— Эх вы, силачи-богатыри! Только шуметь горазды. Разве так Зиму будят? Тут не сила нужна, а тонкий подход. Отойдите-ка, не мешайте мастеру.

Отошли Медведь с Волком, недоверчиво ворчат. Лиса подошла к замочной скважине, уселась поудобнее, приложила лапу к щеке и давай причитать на весь лес. Да так жалостно, со слезой:

— Ой, батюшки-светы! Ой, беда-то какая в лесу приключилась! Пропадаем! Зима-то наша, матушка, красавица ненаглядная, совсем исхудала, в тереме своем замерзла! А Весна-красна, девка наглая, уже по полям идет, зеленую траву стелет, ледяной терем костром жжет! Подснежники из-под земли лезут, Зимушкино царство губят! Разве престало такой великой государыне перед какой-то Весной отступать?

Услышала это Зима сквозь сон. Как так? Весна идет? Без ее, Зимы, разрешения?! Ее терем жгут?! У Зимы от обиды и ревности сразу сон как рукой сняло. Вскочила она с перины,

распахнула двери ледяные, да как выйдет на крыльцо! Вокруг нее сразу вихри снежные закружились, мороз по щекам зверей ударил.

Глядит Зима — нет никакой Весны. Кругом серость да мороз, и Лиса на крылечке сидит, лапкой умывается.

— Это кто тут кричал? — строго спросила Зима. — Какая Весна?

Лиса Патрикеевна низко поклонилась, ушки прижала:

— Ой, Зимушка-голубушка! Это я, верная твоя служанка Лиса. Не гневайся за обман, ведь если бы не моя хитрость, спала бы ты до самого марта! Звери лесные исстрадались, порядка просят. Принимай работу, накрывай землю белым покрывалом!

Посмотрела Зима на Медведя, на Волка, на притаившегося в кустах Зайца — и правда, заждались все. Улыбнулась она, махнула правым рукавом — и полетели с неба густые, белые хлопья снега. Махнула левым рукавом — зашумела вьюга, укрыла землю пушистым ковром.

— Ну, Лиса, — говорит Зима, — за то, что разбудила меня, проси чего хочешь. Любое желание исполню.

Медведь сзади шепчет: «Бочку меда проси!», Волк бубнит: «Окорок бараний!»

А хитрая Лиса Патрикеевна лапкой нос прикрыла и говорит:

— Не надо мне, матушка Зима, ни меда, ни мяса. Сделай так, чтобы с этого дня и до самой весны у всех зайцев в лесу шубки были чисто-белыми, как первый снег. Чтобы ни единого серого пятнышка на них не оставалось!

Заяц под кустом как услышал — от радости заплясал: «Вот спасибо, Лисонька! Вот подсобила! Защитила от охотников да от бед!» Медведь с Волком тоже головами закивали: надо же, какая Лиса добрая стала, о косом заботится.

Выполнила Зима лисью просьбу. В тот же миг все зайцы в лесу побелели, со снегом слились. Зима ушла в тучу порядок наводить, Медведь ушел в берлогу спать, Волк на охоту побрел.

Осталась Лиса одна на полянке. Смотрит на падающий снег, а сама хитро-хитро улыбается, в усы подхихикивает. «Ну и глупые же эти волки да медведи! — думает рыжая. — Думают, я о Зайце пеклась? Как бы не так! Теперь Заяц на белом снегу совсем невидимый станет. А раз его не видно, он страх потеряет, осторожность позабудет, прыгать будет смело. Тут-то я его, беленького, по серым ушкам да по черному носу в сугробе и поймаю! Да и самой мне на белом снегу охотиться куда привычнее — моя огненная шуба теперь прыгающих мышей пугать не будет, они под снегом сидят, ничего не видят».

Так хитрая Лиса и Зиму встретила, и награду получила, и всех вокруг пальца обвела. С тех пор так в лесу и повелось: зимой зайцы белые бегают, а лиса за ними охотится, да не всегда ее хитрость побеждает, ведь косой-то тоже бегать быстро умеет!

Как Воробей весну караулил

Жил-был на опушке дремучего леса маленький воробей по имени Пашка. Ростом он был с сосновую шишку, перышки серые, взъерошенные, а характер — неумный. Другие птицы зимой на юг улетели, поближе к теплему солнышку, а Пашка остался. «Кто-то же должен за лесом присматривать, пока хозяева в отпуске», — чирикал он, прыгая по заснеженным веткам.

Зима в тот год выдалась строгая. Морозы трещали так, что деревья в лесу лопались, а сугробы намело — медведю по уши. Звери лесные приуныли. Белка в дупле последние орехи пересчитывала, Заяц под кустом от стужи дрожал, а старый Глухарь на ветке сидел, нахохлившись, и только вздыхал:

- Ох, не придет весна в наши края, замерзнем...

Пашке эти упаднические настроения страшно не нравились.

— Как это не придет? — возмущался он, летая вокруг Глухаря. — Календарь врать не будет! Март на дворе, пора весне дорогу открывать!

— Март-то март, — кряхтел Глухарь, — да посмотри на небо. Тучи свинцовые, солнце еле светит. Не пробиться весне сквозь такие заслоны. Сиди тихо, силы береги.

Но Пашка сидеть тихо не умел. Раз звери носы повесили, значит, маленькому воробью надо дело в свои лапки брать. Решил он лететь на самую высокую гору в лесу — на Седую кручу. Там росла вековая сосна, с вершины которой, как говорили старые вороны, можно было увидеть край земли, откуда весна приходит.

Лететь было трудно. Ветер швырял Пашку из стороны в сторону, морозный воздух обжигал маленькое горлышко, а крылья к концу пути стали тяжелыми, будто налились свинцом. Но воробей не сдавался. «Чирик-чирик, вперед лети!» — подбадривал он сам себя.

Добрался-таки Пашка до вершины сосны, зацепился замерзшими лапками за кору, смотрит вдаль. И правда: далеко-далеко, за белыми полями, за замерзшими реками, пробивается тонкий золотой луч. А за ним идет Девушка-Весна — в зеленом сарафане, с венком из первых подснежников. Идет, да медленно, спотыкается. А все потому, что перед ней огромная Снежная Лавина дорогу загородила. Села Лавина на пути белой горой и хохочет:

- Не пущу тебя, Весна! Мое время не прошло, пусть весь мир льдом покроется!

Понял Пашка, что Весне помощь нужна. Но что может сделать один маленький воробей против огромной ледяной горы? Силой тут точно ничего не решишь. «Ну, — думает Пашка, — раз силы нет, будем брать шумом!»

Вдохнул он побольше холодного воздуха, расправил свои серые крылышки и как закричит на весь лес:

— Чирик! Чи-ри-и-ик! Жив-жив! Весна идет! Встречайте!

Голос у воробья был хоть и маленький, но такой задорный, пронзительный и чистый, что эхо подхватило его и понесло по всему лесу. От этого крика проснулась на ветке первая сосулька, вздрогнула и уронила прозрачную слезу: *кап-кап*. За ней вторая, третья.

Пашка не умолкает, крыльями бьет, по ветке прыгает, песню весеннюю наперекор морозу поет. Услышали его песню другие птицы, что в лесу зимовали — синицы-щебетухи да дятлы-труженики.

— Пашка весну зовет! — закричали синицы и полетели к нему на подмогу.

— Поможем Пашке! — застучал дятел по сухой коре, как в барабан.

Собралась на Седой круче целая стая. Синицы звенят колокольчиками, дятлы дробь бьют, вороны каркают, а Пашка во главе этого лесного оркестра заливается. Стоит такой невообразимый гвалт, звон да щебет, что вековые деревья зашевелились, скидывая снежные шапки.

От этого веселого шума и птичьего тепла пошел по лесу первый весенний дух. Снежная Лавина, что дорогу Весне загораживала, сначала зажала уши, потом занервничала. Не любила она, когда кто-то радуется. Стала она от птичьего крика оседать, подтаивать, а тут еще и солнце, услышав воробьиный призыв, пробилось сквозь свинцовые тучи и ударило горячим лучом прямо по ледяной горе.

Затрещала Лавина, закричала дурным голосом и растаяла, превратившись в бурный, веселый ручей, который с шумом побежал вниз по склону.

Путь был свободен. Вступила Весна на лесную опушку, и там, где ее нога ступала, сразу снег таял и зеленела молодая трава.

Посмотрела Весна на сосну, где сидел уставший, но счастливый воробей Пашка, улыбнулась ему:

— Спасибо тебе, маленький глашатай! Твой звонкий голос мне дорогу указал, а твоя смелость растопила зимние оковы. За это быть тебе и твоим братьям первыми весенними птицами, которых люди всегда с радостью встречать будут.

С тех пор так в лесу и повелось. Едва пригреет мартовское солнце, еще снег кругом лежит, а воробьи уже на кустах сидят, чирикают во все горло, весну караулят и первыми о ее приходе всему миру сообщают.

Маша и лесное Эхо

В одной деревушке на самом краю соснового бора жила-была девочка Маша. Ох и хитра же была девчоночка! Другие дети, если конфету хотят, у мамы просят, слезы льют, а Маша так повернет, что ей и конфету дадут, да еще и похвалят. Старики в деревне про нее говорили:

- Машка из песка веревки вьет, самого кота вокруг пальца обведет.

Вот как-то раз отправила ее бабушка в лес за черникой. Дала кувшинчик большой и говорит:

— Смотри, Маша, ягоды бери спелые, крупные, кувшин до краев наполни. А как вернешься — испеку я тебе пирог знатный, ягодный!

— Хорошо, бабушка, — отвечает Маша, а сама думает: «Кувшин большой, ягод собирать долго, спина устанет. Надо бы как-то побыстрее дело сделать».

Пришла Маша в бор. Солнышко греет, птицы поют, а черники вокруг — видимо-невидимо! Присела девочка у куста, сорвала две ягодки — одну в кувшин, три в рот. Так час сидит, два сидит, а в кувшине только дно прикрыто. Лень Маше нагибаться, каждую ягодку выискивать.

Вдруг слышит — неподалеку, у каменного оврага, кто-то тонким голоском поет. Маша крикнула:

— Эй, кто там?

А из оврага ей в ответ:

— Кто там... кто там... кто там...

Догадалась Маша, что это лесное Эхо балуется. Вспомнила она рассказы охотников о том, что Эхо в лесу не просто звуки повторяет, а стережет лесные богатства и очень любит, когда с ним разговаривают. Только оно глуповато — своего ума у него нет, чужие слова крадет.

«Вот я тебя, невидимка, и перехитрю!» — подумала хитрая девочка.

Подошла Маша ближе к оврагу, поставила свой пустой кувшин на пенек и кричит со вздохом:

— Ох, как жаль, что у меня кувшин ягодный совсем ПОЛНЫЙ!

Эхо из оврага удивленно отозвалось:

— Полный... полный... полный...

Маша головой качает, притворно тужит:

— Да, полный! И некуда мне положить ту спелую, крупную ЗЕМЛЯНИКУ, что на полянке растет! Придется ее здесь ОСТАВИТЬ!

Эхо из оврага всполошилось, лесные сокровища жалко стало:

— Оставить... оставить... оставить...

— Вот-вот, оставлю, — поддакивает Маша. — А если бы кувшин был ПУСТОЙ, я бы в него всю землянику собрала да бабушке отнесла!

Эхо на секунду замолчало, задумалось, а потом как закричит:

— Пустой... пустой... пустой!

В ту же секунду поднялся легкий ветерок, зашумели сосны, и Машин кувшин вдруг за какими-то невидимыми чарами опустился на землю. Маша за куст спряталась, сидит, не дышит. Глядит — а из оврага катится густой туман, окутал пенек. Когда туман рассеялся, кувшин снова на пенке стоял. Только был он теперь не пустой, а до самого верха наполнен крупной, отборной земляникой, да такой ароматной, что на весь лес пахло! Лесное Эхо решило «исправить» ошибку и само наполнило посуду, чтобы добро не пропадало.

Маша из-за куста выскочила, кувшин схватила, смеется:

— Вот спасибо тебе, лесное Эхо! Выручило ты меня!

А Эхо из оврага только обиженно буркнуло:

— Меня... меня... меня...

Прибежала Маша домой, бабушке кувшин показывает. Бабушка руками всплеснула:

— Ах, Машенька, ай да помощница! За черникой шла, а принесла полную крынку редкой земляники! Какая же ты у меня трудолюбивая!

— Я, бабушка, старалась, рук не покладала, — скромно глазки опустила хитрюга.

Испекла бабушка пирог, Маше самый большой кусок достался. Сидит девочка, пирог уминает, чайком запивает и думает: «В следующий раз с большим ведром в лес пойду. Скажу Эху, что ведро золотыми монетами заполнено, девать некуда!»

Только хитрость хитростью, а лесные жители тоже память имеют. В следующий раз, когда Маша решила Эхо обмануть, оно ее слова так перевернуло, что девочке пришлось самой за тремя белками по деревьям прыгать, чтобы свои бусы вернуть. Но это уже совсем другая история.

Кашевар Трофим и Водяной

В стародавние времена возвращался со службы солдат — кашевар Трофим. Шел он по лесной дороге, чеканил шаг, а в кармане у него только и было, что медная пуговица да веселая песня. Зато за плечами висел верный походный рюкзак, а в голове ума было на троих генералов припасено.

Шел Трофим, шел, да и проголодался. А дорога как раз вывела его к широкому, глубокому лесному озеру. Вода в нем тихая, прозрачная, а у самого берега камыши шумят.

— Эх, — думает солдат, — сейчас бы рыбки наловить да ушицы сварить! Рыба-то в озере вон как плещется, хвостами воду мутит. Да вот беда: котелок мой походный на прошлой стоянке прохудился, кобыла на него наступила. В чем варить-то буду? В ладонях воду не вскипятишь.

Присел Трофим на прибрежный камень, достал кисет, закурил трубку и стал думать. Вдруг посередине озера вода забурлила, запенилась, и высунулась оттуда зеленая голова. Глаза как площадки, борода из тины, а на голове корона из кувшинок. Сам хозяин озерный — Водяной — пожаловал.

— Кто тут на моем берегу дым пускает, спать мне мешает? — грозно вопрошает Водяной. — Вот утащу тебя на дно, будешь у меня раков нянчить!

Солдат и ухом не повел. Поправил фуражку, улыбнулся и говорит:

— Здравия желаю, Ваше Озерное Величество! Я солдат честный, службу отслужил, иду домой. На дно мне никак нельзя — у меня приказ строго на восток двигаться. А дым пускаю оттого, что думаю великую думаю. Слышал я от полкового командира, что Водяной здешний — первый богач и мастер по части кухонной утвари. Хотел проверить, правда ли это, или врут штабные?

Водяной от похвалы так и расплылся в улыбке, даже бороду от тины отжал.

— Не врут ваши штабные! — хвастает зеленый. — У меня на дне чего только нет! И кубки золотые, и тарелки серебряные, а котелков да кастрюль со спасенных кораблей — целая гора!

— Да ну? — прищурился Трофим. — Гора-то, может, и гора, да небось все они дырявые, ржавые, для настоящей солдатской ухи не годные. Мой-то армейский котелок, хоть и помялся, зато заговоренный был — в нем вода сама закипала, без костра!

Водяной от возмущения аж из воды наполовину выпрыгнул.

— Мои котелки — дырявые?! Да у меня есть такой котелок, из чистой красной меди, сто лет в воде лежит — и как новенький! А насчет «без костра» — так это у вас, сухопутных, фокусы. Зато мой котелок волшебный: сколько в него рыбы ни положи, уха всегда царской получается, пальчики оближешь!

— Не поверю, пока не увижу, — качает голенью солдат. — Слабо тебе, Водяной, мне этот котелок на один час показать? Посмотрел бы я на чудо-посуду, да и пошел бы своей дорогой.

— И покажу! И докажу! — закричал Водяной.

Нырнул он на самое дно, только пузыри пошли. Через минуту выныривает, а в лапищах держит огромный, начищенный до блеска медный котелок. Вода с него так и бежит, на солнышке медь горит — за версту видать. Вынес Водяной его на берег, на песок поставил.

— Вот! Смотри, солдат! Руками не трогай!

Трофим подошел, осмотрел котелок со всех сторон, постучал пальцем по звонкому боку.

— Да, вещь знатная, — говорит. — Настоящая медь. Только вот сдается мне, Ваше Величество, что ты меня все-таки обманул. Какой же он волшебный? Обыкновенная кастрюля, только большая.

— Ах ты, фома неверующий! — разгневался Водяной. — Да если в него просто озерной воды налить, она сама ключевой станет! А если туда рыбы бросить...

— Вот давай и проверим, — перебил его Трофим. — Спорим, уха у нас не получится? Костра-то нет, сухих веток ты мне собрать не дашь, а без огня и волшебство твое скиснет.

Водяной, желая утереть носу солдату, закричал:

— Эй, шуки-посыльные! Наносите сухого хвороста из леса! Окуни-дровасеки, подсобите!

Не успел солдат и глазом моргнуть, как рыбы хвостами на берег целую кучу сухих веток набросали. Трофим весело подмигнул, развел костер, налил в медный котелок озерной воды. Тут же из воды сами собой выпрыгнули три жирных леща да два судака — прямо в котелок! Водяной лично за процессом следил, лапы потирал.

Закипела вода, пошел по лесу такой аромат ухи, что даже птицы петь перестали — слюнки глотали. Солдат достал из кармана ту самую медную пуговицу, незаметно бросил в суп и говорит: «Для навару!». Посолил уху из своего походного запаса, помешал чистой палочкой.

— Ну, готово! — говорит Трофим. — Давай пробовать.

Достал он деревянную ложку, зачерпнул, попробовал — ух, хороша уха! Дал попробовать Водяному. Тот ложку взял, хлебнул — и глаза зажмурил от удовольствия.

— Ох, и правда царская! — замычал Водяной. — Сто лет такой не ел! Мой котелок-то, а? Мое волшебство!

— Твое, твое, — соглашается Трофим, а сам уху наворачивает, за обе щеки уплетает. Водяной тоже от него не отстает, рыбу таскает. Наелись оба так, что дышать трудно. Водяной раздобрел, на песочке растянулся, пузо зеленое на солнышко выставил.

— Ну что, солдат, признал мою победу? — лениво спрашивает озерный хозяин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.